

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.351

ТЕРМИНЫ ПРИОБРЕТЕННОГО РОДСТВА (СВОЙСТВА) В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Р. Ш. Халидова¹, М. Я. Хачукаева²

¹Дагестанский государственный педагогический университет

²Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи (г. Грозный)

В статье представлен функционально-семантический и историко-генетический анализ терминов приобретенного родства в нахско-дагестанских языках и анализ репрезентации различных референтных взаимоотношений данных терминов, который представляет интерес не только для лингвистики, но и для многих сопредельных с ней гуманитарных наук, таких как этнолингвистика, этнография, социоллингвистика, социология, психоллингвистика и др. Исследуемые термины делятся на референтивные и вокативные. Выявляется степень вокативности терминов приобретенного родства. Максимальным вокативным потенциалом во всех нахско-дагестанских языках обладают термины «сноха», «невестка», которые выступают в качестве обращений в любых прагматических условиях.

The article presents a functionally semantic and historical-genetic analysis of the terms of the acquired kinship in the Nakh-Daghestanian languages. It also analyses representation of various referential correlation of the terms. That is of interest not only for linguistics but also for many humanitarian sciences such as ethno linguistics, ethnography, sociolinguistics, sociology, psycholinguistics, etc. The terms are divided into referential and vocative. The degree of vocativity of the terms of the acquired kinship is explained. Among all the Nakh-Daghestanian languages the term "daughter-in-law" has the maximum vocative potential

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, семейный дискурс, вокатив, прагматическая функция.

Keywords: Nakh-Dagestanian languages, family discourse, vocative, pragmatic function.

Введение

В последнее время наблюдается заметный рост интереса лингвистов к исследованию разговорной речи в рамках прагмалингвистического подхода. В результате этого вокативы (обращения) как лингвистический объект оказались в центре внимания многих языковедов, в том числе и кавказоведов. Этим обусловлена отчасти актуальность темы данной статьи. Актуальность темы исследования обусловлена также отсутствием в кавказоведении работ, исследующих прагматический и семантический аспекты обращений, функционирующих в рамках семейного дискурса. В связи с этим целью данной статьи является анализ национально-культурной специфики терминов приобретенного родства, функционирующих в качестве вокативов в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков.

Материал и методы исследования

Материал исследования получен путем сплошной выборки из лексикографических источников и путем элицитации. Наиболее востребованными в статье стали методы: системно-структурный, описательный и метод непосредственного наблюдения за речевой практикой коммуникантов.

Результаты и их обсуждение

Семья считается одним из древнейших институтов, который оказывает существенное влияние на быт и поведение людей в обществе. Общение в семейном дискурсе регламентируется множеством факторов. Оно зависит как от черт характера коммуникантов – членов семьи и сложившихся в семье отношений, так и от этнического менталитета, обычаев, традиций народа – носителя языка. Наряду со специфическими особенностями, присущими семейному дискурсу каждого отдельного языка, есть и общее, характерное для всех народов, населяющих Северный Кавказ, – это уважительное отношение к старшим членам семьи. Почтительное обращение к представителям старшего поколения можно назвать кавказской культурно-этнической доминантой.

Термины родства образуют самостоятельную микросистему лексико-семантической группы слов, которая является частью отраслевой лексики данного языка. В эту лексико-семантическую группу входят как собственно термины кровного родства или геонимы: *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и др., так и термины свойства или приобретенного родства: *муж, жена, свекор, свекровь, тесть, теща, невестка, зять* и др. Функционирование данных терминов в каждом языке имеет свои особенности.

Названия лиц по степени как кровного, так и приобретенного родства в качестве средств адресации широко распространены в семейном дискурсе. Лексико-семантические группы терминов родства служат лексической базой для образования обращений. В зависимости от вокативной иллокутивной силы вокативы могут выступить в функции зова или в функции поддержания контакта. Из всех терминов свойства только лексемы «сноха», «невестка» и «зять» выступают в качестве обращений в любых прагматических условиях, они обладают высоким вокативным потенциалом.

Большинство терминов приобретенного родства практически не используются в функции обращений, во всяком случае, для инициации общения (в прагматической функции привлечения внимания, функции зова). Часть из них может быть использована в функции обращения, но только в прагматической функции поддержания общения.

Термины «сноха», «невестка» в исследуемых языках выявляют максимальный вокативный потенциал. Данный термин часто используется как в прагматической функции привлечения внимания слушающего, так и прагматической функции поддержания общения. Термины приобретенного родства чеч. *нус*, инг. *нус*, бацб. *нус*; ав. *нус*, *нусай*; дарг. *гелемеш*; лезг. *свас*, таб. *сус*; лак. *жалин* «невестка», «сноха» применяются для номинации жены сына, внука, правнука, жены племянника и т.д. во всех нахско-дагестанских языках. Как видим, во всех нахских языках и в аварском языке для обозначения невестки применяется одно и то же слово *нус*. В лезгинском и табасаранском языках также используются материально родственные термины.

В аварском языке в качестве обращения применяется форма вокативного (ныне утраченного) падежа с формантом *-ай*: *нусай*. В лакском языке для обозначения снохи употребляется тюркское заимствование. «Лакская литературная форма *жалин* «невестка», «сноха» восходит к тюркскому *гелин* через промежуточную форму *галин*. Для лакского языка характерен переход тюркского *-е* в *-а* в заимствованных словах, ср. азерб. *гэми* – лак. *жамы* «корабль» [1, с. 161].

Особняком стоит даргинский термин *гелемеш* «невестка», «сноха». Следует отметить, что не во всех диалектах и говорах даргинского языка используется этот термин. В чирагском диалекте даргинского языка применяется термин общекавказского проис-

хождения *нуса* «невестка». В других диалектах и говорах распространен также термин *цIукIури* в различных фонетических вариантах: *цIекIури*, *цIекIур*.

Лексемы *сноха*, *невестка* в русском языке не фигурируют как обращения, они выполняют только референтивную функцию. В нахско-дагестанских языках аналогичные термины выполняют как референтивную, так и вокативную функцию.

Особенность ингушской системы свойства, по мнению Э.Г. Оздоевой, заключается в том, что «реконструируется только система терминов, обозначающих отношения жены к родственникам мужа, при частичном отсутствии терминов, обозначающих отношения мужа к родственникам жены».

В большинстве языков термин «невестка» обладает явной мотивированностью. Ясность номинации невестки по сравнению с наименованиями зятя объясняется, видимо, патрилокальностью брака у народов Европы (невеста приходит жить в дом мужа). Термин *нус* обозначает в ингушском языке жену сына, внука, правнука, жену племянника, т.е. невестку [2, с. 122]. К.Д. Бак также считает, что «хронологически выражения связи между снохой и семьей ее мужа гораздо старше, чем выражения связи между зятем и родственниками его жены» [3, с. 93].

В.Г. Гак и Н.З. Донадзе полагают возможным допустить, что этот термин, обозначающий сноху, заимствован кавказскими языками, и что он имеет индоевропейское происхождение. Ср. адыг., каб. *naesa*, чеч., инг., бацб. *nus*, авар. *nus*, анд., багв. *nusa*. Тот же корень обнаруживается и в картвельских языках: мегр. *poso-*, *nisa-*, лаз. *-nusa-*, *nisa-*» [4, с. 143–150]. В этимологическом словаре картвельских языков Г.А. Климов также поддерживает точку зрения лингвистов, полагающих, что термин *нус* «невестка, сноха» имеет индоевропейское происхождение: «Значительный интерес представляет слово «*нус*», наличествующее во многих кавказских языках, в том числе в армянском. Оно, по мнению специалистов, восходит к индоевропейской основе: др. груз. *нусадиа* – жена дяди; арм. – *нус*; анд. – *нуса*; ср.: индоевр. *снусос* – “невестка”, “сноха”» [5, с. 230].

Для обозначения понятия «зять» в нахско-дагестанских языках применяются следующие термины: чеч. *нуц*; инг. *найц*, *нейц*; бацб. *сидже* (заимствование с грузинского); ав. *дуц*; лак. *куяв*; дарг. *куяв*; лезг. *йезне*, *язна*; таб. *язна*, *гияв* (лезг., таб. – это тюркские заимствования). Чеченский, ингушский и аварский термины обнаруживают материальное сходство. Бацбийский язык заимствовал термин *сидже* «зять» из грузинского языка. Лакский и даргинский языки заимствовали термин *куяв* «зять» из кумыкского языка. В некоторых говорах даргинского языка употребляется фонетический вариант *гуяв* (>*куяв*). В чирагском диалекте даргинского языка употребляется термин *нуца*, а в мегинском *дуц*, заимствованные из аварского языка.

Лезгинский и табасаранский языки для обозначения зятя пользуются тюркскими заимствованиями. Термин *гияв*, распространенный в некоторых говорах табасаранского языка, выявляет параллель с лакским *куяв* и даргинским *гуяв* (>*куяв*). В табасаранском языке, по мнению К.С. Кадыраджиева и К.К. Вазировой, в анлауте представлен звонкий согласный *г-*, характерный для огузских языков, в лакском и даргинском языках здесь представлен глухой согласный. В то же время в табасаранском языке корневой гласный *-и-* сохраняется без изменения, а в лакском и даргинском языках он лабиализуется, по всей вероятности под воздействием конечного губного согласного: кум. *гиев* → лак. *киев* → *куяв* [1, с. 163].

Термины лезгинские *йезне*, *язна* и табасаранский *язна* в Сравнительно-сопоставительном словаре дагестанских языков С.М. Хайдаков относит к исконным. Следует отметить, что данный термин распространен также и в тюркских языках, например в турецком языке *езне* также означает «зять» [6, с. 99].

В чеченском языке гендерное различие семейном дискурсе проявляется в выборе вокативов для обращения к ближайшим родственникам мужа и жены. Муж может себе позволить называть как родителей, так и других родственников жены их собственными именами. Однако для жены – это табу. Жена не имеет права называть родителей мужа и других его родственников их собственными именами. Как указывает Л.М. Бахаева, жена, обращаясь к отцу мужа, употребляет вокатив *дада* «отец» (может быть имя-прозвище, кличка); обращаясь к матери мужа – *нана* «матушка, мама». «К братьям, сестрам и другим родственникам, ближайшим друзьям мужа и другим членам семьи сноха применяет имена оценочного характера: к братьям – *КІант* (мальчик, парень), *ДикакІант* (хороший парень), *Жима кІант* (маленький мальчик), *КуракІант* (гордый парень), *Ваша* (брат); *ХазкІант* (красивый мальчик), *ЛекхкІант* (высокий мальчик), *ЛохкІант* (низкий мальчик), *ХьомекІант* (дорогой мальчик), к сестрам – *Ниша* (сестра), *ХазайоІ* (красивая девочка), *ДикайоІ* (славная девушка), *ЖимайоІ* (маленькая девочка), *КураиоІ* (гордая девушка), *КочайоІ* (изнеженная девочка). Особенного различия в обращении к сестрам и братьям мужа нет, за исключением второго корня: *йол*, *кІант*» [7, с. 67].

Аналогичная ситуация наблюдается и в тюркских языках Дагестана. Так, Н.Э. Гаджихмедов отмечает, что «невестка, по старым обычаям многих народов Кавказа, не имела права называть по имени мужа, а также свекровь, свекра и т.д. Невестку близкие родственники жениха называют не по имени, а *гелиним* «моя невестка», *алтыным* «мое золотце», *гюлюм* «мой цветок», *айдай* «словно луна». Многочисленные подтверждения табуированию имен находим и в других этносах. Закрепление за именем определенной коннотации – это явление данной культуры, результат сложных ассоциаций, характеризующих именно данный национальный менталитет» [8, с. 59].

Заключение

Проведенный в статье функционально семантический и историко-генетический анализ нахско-дагестанских терминов приобретенного родства (свойства) и анализ репрезентации ими различных референтных взаимоотношений выявил генетическое родство термина «невестка», «сноха» и его мотивированность. Данный термин обладает во всех нахско-дагестанских максимальным вокативным потенциалом и может употребляться в качестве обращения в любых прагматических условиях.

Остальные термины приобретенного родства обладают меньшим вокативным потенциалом. Преобладающее большинство исследуемых терминов используется исключительно в прагматической функции поддержания общения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ав. – аварский язык; адыг. – адыгский язык; анд. – андийский язык; арм. – армянский язык; багв. – багвалинский язык; бацб. – бацбийский язык; груз. – грузинский язык; дарг. – даргинский язык; инг. – игушский язык; индоевр. – индоевропейские языки; каб. – кабардинский язык; лаз. – лазский язык; лак. – лакский язык; лезг. – лезгинский язык; мегр. – мегрельский язык; таб. – табасаранский язык; чеч. – чеченский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадыраджиев К.С., Вазирова К.К.* Тюркские термины родства и свойства в нахско-дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. Махачкала, 1985. С. 161–167.
2. *Оздоева Э.Г.* Генезис терминов, обозначающих некровное родство в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 2. С. 120–122.
3. *Visk С.Д.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 1515 p.
4. *Гак В.Г., Донадзе Н.З.* Названия зятя по материалам Лингвистического атласа Европы // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 143–150.
5. *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 307 с.
6. *Хайдаков С.М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. 179 с.
7. *Бахаева Л.М.* Гендерный фактор в чеченском языке. Грозный, 2009. 193 с.
8. *Гаджиахмедов Н.Э.* Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестн. Даг. гос. ун-та. 2012. Вып. 3. С. 57–61.

Поступила в редакцию 05.02.2018 г.

Принята к печати 24.12.2018 г.